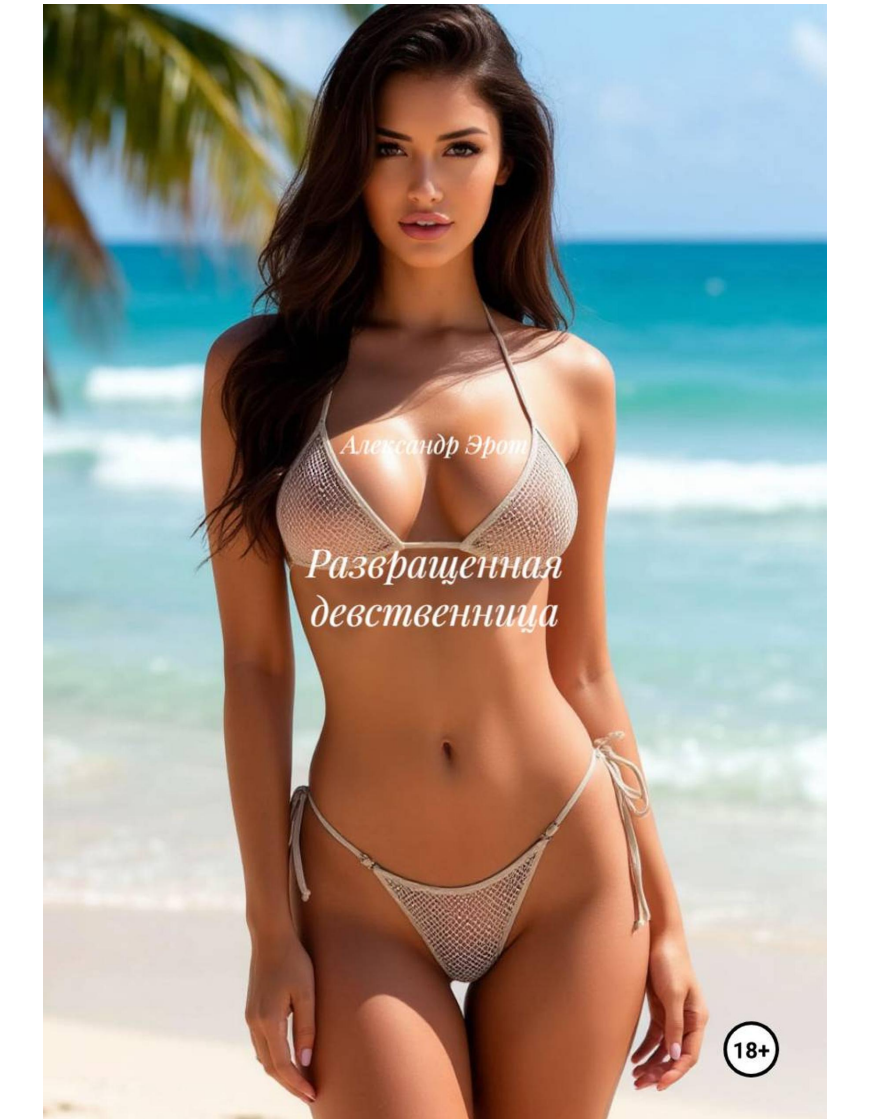

A full-page photograph of a woman with long, dark, wavy hair standing on a sandy beach. She is wearing a light-colored, possibly white or cream, mesh bikini. The bikini top is a triangle with thin straps, and the bottom is a matching triangle with side ties. She is looking directly at the camera with a slight smile. The background shows a clear blue sky, a turquoise ocean with white waves, and a palm tree on the left side. The lighting is bright, suggesting a sunny day.

Александр Эрот

*Развращенная
девственница*

18+

Александр Эрот

Развращенная девственница

<https://litres.ru/74390537>

SelfPub; 2026

Аннотация

Невыносимая жара Прованса плавит невинность восемнадцатилетней Селестины. В тени кипарисов она перестает быть послушной девочкой, превращаясь в хищницу. Ее наставник — циничный художник Жюльен — не просто лишает ее девственности. Он открывает ей темную алхимию, где плоть становится оружием, подчинение — искусством, а экстаз — религией.

Но раскаленный юг — лишь репетиция. Впереди Париж, ледяной светский свет и клетка выгодного брака с аристократом. Селестина готова надеть корсет виконтессы, чтобы взломать систему изнутри. Она будет улыбаться генералам и ломать философов, превращая мужские пороки в ступени своего трона.

Чувственная и бескомпромиссная сага о женской природе. Это не история о падении в грех. Это манифест абсолютной власти, где стыд сгорает дотла, а истинная свобода рождается на грани боли и наслаждения. Империя, построенная на изгибе бедра, не знает границ. Вы готовы переступить черту?

Александр Эрот

Развращенная девственница

Жара в то лето на юге Франции стояла невыносимая, осязаемая, как тяжелый, расшитый золотом бархат. Она опускалась на плечи, плавила контуры кипарисов на горизонте и заставляла время течь с ленивой, почти непристойной медлительностью. В этом раскаленном мареве, где даже стрекот цикад казался пульсацией чьей-то невидимой, разгоряченной крови, восемнадцатилетняя Селестина впервые осознала энергию собственного тела.

До этого лета она жила в своем теле, как птица живет в гнезде — не задумываясь о его форме, просто пользуясь им для бега, смеха и плавания в прохладных водах залива. Но сейчас, в этом старинном каменном шато, утопающем в зарослях дикого жасмина и инжира, что-то неуловимо изменилось. Селестина перестала быть просто девочкой. Она превратилась в сосуд, до краев наполненный смутным, томящим ожиданием.

Каждое утро она просыпалась на влажных от ночной испарины льняных простынях, чувствуя странную ломоту в мышцах, словно во сне она совершала долгое, изнурительное путешествие. Ее кожа стала неправдоподобно чувстви-

тельной. Грубый лен платья, касаясь сосков, вызывал внезапную, пугающую дрожь, от которой низ живота сводило сладкой судорогой. Ветер, играющий ее распущенными каштановыми волосами, казался прикосновением невидимых пальцев. Селестина еще не знала слова «вожделение», но оно уже пропитало ее насквозь, как запах переспелых, лопнувших на солнце персиков пропитывал воздух в саду.

Она была красива той пугающей, хрупкой красотой, которая бывает только на самом пороге расцвета. Тонкие ключицы, похожие на крылья спящей птицы; шея, созданная для того, чтобы ее целовали; глаза цвета темного меда, в которых детская наивность уже начинала уступать место глубокой, инстинктивной женской тайне. Она часами стояла перед высоким антикварным зеркалом в своей спальне, сбросив легкий шелковый халат, и изучала себя. Она проводила ладонями по высокой, наливающейся груди, по узкой талии, по крутому изгибу бедер, и ее собственное отражение казалось ей чужим, зовущим. Она открывала в себе женщину, как открывают неведомый континент — со страхом, трепетом и непреодолимой жадой исследования.

Именно в это время абсолютной внутренней готовности в шато появился он.

Его звали Жюльен. Он был другом ее отца, художником, приехавшим из Парижа в поисках вдохновения. Ему было около сорока — возраст, когда мужская красота теряет юношескую суетливость и обретает спокойную, уверенную в се-

бе силу хищника, который знает цену каждому своему движению. В нем не было ничего от неловких мальчишек, с которыми Селестина иногда танцевала на деревенских праздниках. Его лицо, изрезанное тонкими морщинками у серых, пронзительных глаз, было лицом человека, познавшего жизнь во всех ее чувственных проявлениях.

Их первая встреча произошла за ужином, на террасе, освещенной лишь мерцающим светом свечей и полной луной. Селестина спустилась вниз в простом белом платье на тонких бретелях. Ее кожа, тронутая золотистым загаром, казалась светящейся в полумраке.

Когда их представили, Жюльен взял ее руку. Это было обычное светское приветствие, но то, как его длинные, сильные пальцы обхватили ее запястье, то, как его губы на мгновение дольше положенного задержались у ее кожи, послало электрический разряд по всему ее позвоночнику. Он поднял взгляд, и в его глазах Селестина не увидела ни снисходительности, ни равнодушия. Он смотрел на нее так, как смотрят на шедевр, который вот-вот будет сдернут из-под бархатного покрывала. В этом взгляде было абсолютное узнавание. Он безошибочно прочел в ее расширенных зрачках то томление, которое она так тщательно скрывала даже от самой себя.

— Вы выросли, Селестина, — произнес он. Его голос был низким, бархатистым, с легкой хрипотцой, которая почему-то заставила ее сердце забиться где-то в горле. — И

превратились в нечто совершенно опасное.

Эти слова, сказанные полупшепотом, чтобы не услышал отец, стали ключом, повернувшимся в замке. В ту ночь Селестина не могла уснуть. Она металась по постели, сбрасывая одеяло, чувствуя, как жар идет изнутри, сжигая ее. Образ Жюльена — его руки с выступающими венами, его запах, смесь дорогого табака, сандала и мужского пота — преследовал ее, вторгаясь в ее фантазии, заставляя ее инстинктивно сжимать бедра и тихо, судорожно вздыхать в темноту.

Она поняла, что невинность стала для нее клеткой. И она страстно, до боли в прикушенной губе, захотела, чтобы именно этот мужчина открыл дверцу.

Следующие несколько дней превратились в изысканную, мучительную игру, в которой Селестина была неопытной, но интуитивно гениальной участницей. Они почти не разговаривали наедине, но каждый их жест, каждый брошенный взгляд был наполнен густым, звенящим напряжением.

Если она сидела у бассейна, подставив лицо солнцу, она знала, чувствовала кожей, что Жюльен наблюдает за ней из тени библиотеки. Это знание заставляло ее выгибать спину чуть сильнее, позволяя каплям воды медленно скользить по ключицам вниз, в ложбинку между грудей, скрытую тонкой тканью купальника. Она становилась актрисой в театре одного зрителя. Она училась языку тела, понимая, что случайное прикосновение к собственным губам или медленное перекрещивание ног может быть красноречивее любых слов.

Жюльен не форсировал события. Как истинный гурман, он наслаждался процессом ее раскрытия. Он преподавал ей первые уроки эротизма, не прикасаясь к ней. За обедом он мог протянуть ей инжир, разломленный пополам, обнажающий свою влажную, рубиновую, истекающую сладким соком сердцевину, и смотреть ей прямо в глаза, пока она медленно съедала его. В эти моменты даже воздух между ними становился плотным, как вода, и Селестине казалось, что она задыхается от избытка чувств.

Но прелюдия не могла длиться вечно. Зной требовал разрядки. Гроза должна была разразиться.

Это случилось в конце августа, в вечер, когда небо над Провансом налилось тяжелым свинцом, предвещая бурю. Воздух был неподвижен, напоен густым ароматом цветущего табака и нагретой земли. Отец Селестины уехал в Марсель по делам, оставив их в шато вдвоем. Огромный дом, казалось, затаил дыхание.

Селестина сидела в гостиной, пытаясь читать, но строчки расплывались перед глазами. Тишина давила на барабанные перепонки. Она знала, что Жюльен находится в своей студии на втором этаже. Не в силах больше бороться с нарастающей внутри паникой и одновременным диким желанием, она отложила книгу. Ее босые ступни бесшумно ступали по прохладным каменным плитам. Она не думала о том, что делает. Ею руководил древний, слепой инстинкт.

Она поднялась по лестнице. Дверь в студию была приот-

крыта.

Жюльен стоял у распахнутого окна, куря. На нем была только расстегнутая на груди белая рубашка и темные брюки. Услышав ее шаги, он медленно обернулся. В полумраке комнаты, освещаемой лишь отдаленными вспышками приближающейся грозы, его глаза блеснули странным, темным огнем.

Селестина замерла на пороге. На ней было платье из тончайшего бледно-голубого батиста, под которым ничего не было. Она чувствовала себя абсолютно беззащитной и одновременно всемогущей.

— Вы не можете уснуть? — его голос разорвал тишину, словно бархатный клинок.

— Я не хочу спать, — ее собственный голос прозвучал неузнаваемо низко. Она сделала шаг в комнату. Сердце билось так сильно, что ей казалось, будто грудная клетка вот-вот расколется. — Мне... мне душно.

Жюльен отложил сигарету в пепельницу. Он не сделал ни шагу навстречу, но его взгляд приковал ее к месту.

— Подойди ко мне, Селестина.

Три слова. Приказ, в котором звучала просьба, и просьба, которая была абсолютной властью. Она повиновалась. Ее ноги словно двигались сами по себе, пока она не оказалась вплотную к нему. От него пахло горячей мужской кожей.

Он поднял руку и, не касаясь ее, провел пальцами в миллиметре от ее щеки, вниз по шее, вдоль выреза платья. Это

отсутствия прикосновения, это обещание контакта свело ее с ума. Она непроизвольно подалась вперед, ища его руку, ища спасения от этой пытки.

И тогда он коснулся ее.

Его ладонь легла на ее талию — горячая, твердая, собственническая. Селестина резко выдохнула, закрыв глаза. Весь мир вокруг перестал существовать. Осталась только эта рука, прожигающая ткань платья, оставляющая на ее коже невидимое клеймо.

— Ты знаешь, чего ты хочешь, маленькая птичка? — прошептал он, склоняясь к ее уху. Его дыхание обожгло ее мочку.

— Да, — выдохнула она, хотя понятия не имела, что ждет ее впереди. Она знала лишь, что готова шагнуть в эту бездну. — Я хочу... научи меня.

Жюльен медленно провел второй рукой по ее волосам, зарываясь пальцами на затылке, заставляя ее откинуть голову назад, подставляя незащитную линию шеи.

— Любовь, Селестина — это не романтика, о которой пишут в твоих книгах, — произнес он, и его губы мягко коснулись бьющейся жилки на ее шее. От этого поцелуя у нее подогнулись колени. Если бы он не держал ее, она бы упала. — Это искусство. Это религия. Это полное подчинение и абсолютная свобода. Готова ли ты отдать мне свою свободу, чтобы я вернул ее тебе в виде наслаждения?

Она не могла говорить. Она лишь кивнула, вцепившись

пальцами в ткань его рубашки.

Его губы скользнули выше, находя ее губы. Это не был робкий поцелуй юности. Это было вторжение. Жюльен целовал ее властно, глубоко, пробуждая в ней вкус к доминированию и покорности. Его язык встретился с ее, исследуя, дразня, требуя ответа. Селестина ответила неумело, но с такой первобытной, искренней страстью, что Жюльен тихо застонал.

Одной рукой он продолжал крепко держать ее за талию, прижимая к себе так плотно, что она почувствовала твердость его желания, упирающегося ей в живот. Это открытие заставило ее вспыхнуть новой волной жара. Вторая его рука медленно, неторопливо скользнула по ее спине, оглаживая каждый позвонок, и легла на бедро.

За окном сверкнула молния, на мгновение осветив комнату ослепительно белым светом, и тут же ударил гром. Но Селестина не вздрогнула. Единственной бурей, которая теперь имела значение, была та, что бушевала в ее крови.

Жюльен отстранился на несколько сантиметров, глядя на ее влажные, припухшие губы, на полузакрытые, затуманенные страстью глаза.

— Сними это, — тихо сказал он, взглядом указывая на ее платье.

Это был момент истины. Граница, за которой возврата к прежней Селестине не было. Она посмотрела в его глаза, ища в них поддержку, и нашла там лишь бездонную глубину,

в которой ей предлагалось утонуть.

Медленно, дрожащими пальцами она потянулась к пуговицам на плечах. Ее движения были неуклюжими, но в этой неловкости была своя, особая, пронзительная эротика. Жюльен наблюдал за ней, не пытаясь помочь. Он давал ей возможность самой принести себя в жертву на алтарь чувственности.

Батист соскользнул с ее плеч, обнажив высокую, идеальной формы грудь с твердыми, потемневшими от возбуждения сосками. Платье упало к ее ногам, образовав на полу светлое облако. Селестина осталась перед ним абсолютно обнаженной. Она инстинктивно попыталась прикрыть грудь руками, смущенная его пристальным, оценивающим взглядом.

— Нет, — Жюльен мягко, но непреклонно отвел ее руки. — Никогда не стыдись своего тела. Оно создано для триумфа. Оно совершенно.

Его слова были как бальзам, смывающий остатки страха и стыда. Он опустился перед ней на колени. Селестина охнула, когда его горячие губы коснулись ее живота, прямо над пупком. Дорожка обжигающих поцелуев спускалась все ниже. Ее тело предало ее разум: оно выгнулось навстречу его губам, требуя большего, умоляя о том, чего она еще не знала, но к чему стремилась каждой клеточкой своего существа.

Когда его руки мягко развели ее бедра, а губы коснулись самого сокровенного, самого тайного центра ее желания, Се-

лестина вскрикнула. Это был крик птицы, впервые расправившей крылья в свободном падении. Наслаждение ударило в нее, как разряд молнии, заставляя забыть свое имя, свое прошлое, весь мир за пределами этой темной, душной комнаты.

Она вплетала пальцы в его волосы, задыхаясь, всхлипывая, умоляя его не останавливаться. Ее тело извивалось в его руках, как струна, натянутая до предела, готовая лопнуть от невыносимого, божественного напряжения. Жюльен был виртуозом, играющим на инструменте, который только что был создан специально для него. Он знал, когда замедлиться, когда усилить напор, доводя ее до грани безумия, не давая сорваться, удерживая на самом краю пропасти.

И когда она уже не могла дышать, когда перед ее закрытыми глазами начали взрываться красные и золотые звезды, он поднялся, одним плавным движением подхватил ее на руки и перенес на широкую кожаную кушетку.

Он навис над ней, сбрасывая свою одежду. Селестина впервые увидела обнаженного мужчину так близко. В полумраке его тело казалось изваянным из бронзы — мускулистое, мощное, угрожающее и прекрасное. Она инстинктивно раздвинула ноги, принимая его, раскрываясь навстречу своей судьбе.

— Сейчас будет больно, моя Селестина, — прошептал он, глядя ей прямо в глаза, пока его бедра прижимались к ее бедрам. — Но эта боль — лишь дверь. За ней скрывается

сад, в котором мы будем гулять вечно.

Она кивнула, потянувшись к его губам.

— Открой эту дверь, — выдохнула она прямо в его рот.

Он вошел в нее. Резкая, жгучая боль, заставила вскрикнуть и впиться ногтями в его плечи. На секунду ей показалось, что она не выдержит, что она сломается под его тяжестью. Но Жюльен замер, давая ей время привыкнуть, к ощущению внутри себя. Он целовал ее слезы, шептал ей на ухо слова восхищения и нежности, пока боль не начала отступать, растворяясь в странном, пульсирующем тепле.

И тогда он начал двигаться. Медленно, ритмично, с пугающей неотвратимостью. С каждым его толчком тепло внутри Селестины разгоралось, превращаясь в пожар. Боль ушла окончательно, уступив место новому, всепоглощающему чувству. Она начала двигаться ему навстречу, интуитивно ловя ритм, понимая древний танец мужского и женского начала.

В комнату ворвался ветер, бросив в окно первые крупные капли дождя. Гроза разразилась. А на кожаной кушетке Селестина распадалась на тысячи сверкающих осколков, крича от наслаждения, которое было острее боли и слаще жизни. Она чувствовала, как Жюльен содрогнулся в ее объятиях, наполняя ее своим семенем, своей силой, отдавая ей часть своей души.

Когда все закончилось, они долго лежали в темноте, переплетенные руками и ногами, слушая шум ливня за окном.

Жюльен гладил ее по влажным от пота волосам. Селестина лежала, положив голову ему на грудь, слушая мерный стук его сердца.

Она знала, что завтра взойдет солнце, и мир будет выглядеть так же, как вчера. Но она сама уже никогда не будет прежней. Девочка, боявшаяся своих желаний, умерла в этой комнате, растерзанная страстью. На ее месте родилась женщина, познавшая вкус власти над собственным наслаждением. И это было только начало ее пути в бесконечном, сладком лабиринте любви.

Утро обрушилось на шато ослепительной, безжалостной синевой. Гроза, бушевавшая ночью, смыла с Прованса пыльную духоту, оставив после себя пронзительную свежесть, пахнущую мокрой сосновой корой, лавандой и влажной землей.

Селестина проснулась в своей постели. Она не помнила, как Жюльен на руках отнес ее в спальню на рассвете, когда небо только начало окрашиваться в нежные, перламутровые тона. Она потянулась на прохладных простынях и замерла. Тело отозвалось сладкой, тянущей болью — между бедрами, в низу живота, в слегка саднящих губах. Каждая мышца пела, напоминая о ночном триумфе. Это была не та боль, от которой хочется избавиться; это была печать, свидетельство ее инициации.

Она отбросила одеяло и подошла к высокому зеркалу. Свет падал на ее нагое тело, и Селестина долго, вдумчиво

рассматривала себя. Внешне все было по-прежнему: та же высокая грудь, тот же изгиб талии. Но глаза... Из зеркала на нее смотрела женщина, познавшая тайну. Взгляд стал глубже, тяжелее, в нем появилась таинственная, почти кошачья поволока. Вчера она была нераспустившимся бутонem, сегодня — раскрытым цветком, источающим дурманящий аромат. Она провела ладонями по своим бедрам, вспоминая прикосновения Жюльена, и внезапная волна острого, пульсирующего желания вновь окатила ее с ног до головы.

В полдень вернулся отец. Дом наполнился суетой, голосами слуг, звоном посуды.

Обед накрыли на террасе. Селестина спустилась к столу в скромном льняном платье лимонного цвета. Под ним не было белья — это было ее маленькое, дерзкое восстание, ее личный секрет, который заставлял кровь приливать к щекам при каждом шаге, когда грубая ткань терлась о чувствительные соски.

Жюльен уже сидел за столом, обсуждая с отцом политику и цены на виноградники. Он был одет в светлый костюм, его лицо выражало спокойное, почтительное внимание к собеседнику. Когда Селестина подошла, он учтиво поднялся, склонив голову.

— Добрый день, Селестина. «Вы прекрасно выглядите», — произнес он ровным, светским тоном.

Ни один мускул на его лице не дрогнул. Но его серые глаза на долю секунды встретились с ее глазами, и в этом мимо-

летном взгляде было все: скомканные простыни, ее крики, вкус ее кожи и обещание того, что ночь повторится.

Обед превратился для нее в изысканную пытку. Отец, ничего не подозревая, громко смеялся, рассказывая истории из Марселя. Селестина пила ледяное белое вино, пытаясь остудить внутренний жар. Внезапно она почувствовала, как под длинной скатертью нога Жюльена коснулась ее голени. Это прикосновение было легким, как касание пера, но оно обожгло ее сквозь ткань.

Нога Жюльена медленно, дразняще скользнула выше, к ее колену. Селестина перестала дышать. Она боялась, что отец заметит, как дрожат ее руки, как расширились зрачки. Но Жюльен продолжал свой невидимый танец. Он знал, что она беззащитна. Его ступня поглаживала внутреннюю сторону ее бедра, поднимаясь все выше, туда, где от одного лишь ожидания пульсировала влажная, неистовая пустота.

— ...А ты как думаешь, Селестина? — голос отца вырвал ее из оцепенения.

Она сглотнула, сжимая в руке хрустальный бокал. Нога Жюльена в этот момент прижалась к самому эпицентру ее желания, заставив ее бедра инстинктивно сжаться вокруг него.

— Я... я согласна с тобой, папа, — выдавила она, чувствуя, как щеки заливают краска.

Жюльен убрал ногу, элегантно промокнул губы салфеткой и улыбнулся.

— Ваша дочь, мсье Лоран, обладает удивительной интуицией для своих лет. Она быстро учится.

Только Селестина поняла истинный смысл этих слов. До конца дня она ходила как в тумане. Ожидание вечера стало физически невыносимым. Но Жюльен не спешил. Он владел временем так же искусно, как владел ее телом.

После ужина отец ушел в кабинет работать с бумагами. Селестина, сославшись на головную боль, поднялась к себе. Она не стала переодеваться ко сну. Она ждала. Около полуночи в дверь тихо, но требовательно постучали.

Она распахнула дверь. Жюльен стоял на пороге. Он не произнес ни слова. Он просто взял ее за руку и повел за собой, вверх по лестнице, в свою студию под крышей.

Ночная студия была залита лунным светом. Окна были распахнуты настежь, впуская стрекот цикад и густой запах цветущей магнолии. Посреди комнаты стоял мольберт, а рядом — низкий, широкий диван, покрытый тяжелым шелковым покрывалом глубокого бордового цвета.

— Вчера ты познала слепую страсть, — заговорил Жюльен, закрывая за ними дверь и поворачивая ключ в замке. Щелчок показался Селестине звуком падающей гильотины, отсекающей ее от всего остального мира. — Вчера ты была животным, прекрасным, чистым животным, подчиняющимся инстинкту. Сегодня я хочу, чтобы ты стала произведением искусства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.